

Н.А. Черняк*

*Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия
(E-mail: chernyaknatalya@rambler.ru)*

Кантовский корреляционизм и проблема познания абсолюта

В статье рассмотрены идеи нового философского направления в западной философии — «спекулятивного реализма», возникшего как реакция на господство идеалистической посткантовской философии, получившей название корреляционизма и его разновидностей. Проанализированы аргументы и контраргументы проводимой критики корреляционизма по важнейшему философскому вопросу — существование вещей самих по себе или «в себе». Согласно спекулятивному реализму, уязвимым местом корреляционизма, обнаруживающим его слабость, является проблема «диахроничности» или «архископаемого». Под диахроничностью понимается временной разрыв между мышлением и бытием, то есть признание того факта, что бытие предшествует мышлению, оно «существует» раньше, чем мышление. Эту проблему не в состоянии разрешить последовательный корреляционизм. Показано, какое влияние на формирование научных и философских стандартов оказала галилеокоперниканская революция. Математический дискурс, согласно анализируемой точке зрения, является убедительным доказательством возможности выхода мышления к вещам самим по себе или «в себе». Оригинальность статьи выражается в обнаружении ограниченности позиции спекулятивного реализма как критики корреляционизма: спекулятивный реализм, претендующий на осмысление метафизических проблем, пытается решить метафизические проблемы средствами науки. Сделано заключение об эвристической значимости и ограниченности предлагаемого направления.

Ключевые слова: «вещь в себе», корреляционизм, абсолютное, «до-историческое», коперниканский поворот в философии, «птолемеевская контрреволюция», спекулятивный реализм, математический дискурс, посткантовская философия, трансцендентальный идеализм.

Введение

Кантовская философия положила начало совершенно иной эры в философии — критической, фундаментальным принципом которой стал трансцендентализм в кантовском его понимании. Согласно этому принципу, в качестве достоверной и не вызывающей сомнения в своем существовании основой философского анализа является не гипотетическая субстанция, будь то «природа» Спинозовского или Гоббсовского толка, или Бог как последний аргумент в дуалистической философии Декарта. Такой основой становится принцип самосознания как единственная почва самоочевидности и обоснования всякого сущего.

Кантовская критика задумывалась как концепция, отвечающая на вопрос: «Что делает возможным объективный мир в терминах сознания или иначе, каковы трансцендентальные (универсальные и не зависящие от конкретного опыта) условия данности явлений сознанию?». Метод трансцендентального анализа, предложенный Кантом, позволил выявить нормообразующие структуры, которые служат своеобразным основанием опыта, предшествуют ему, но не сводятся к нему, могут быть отделены от эмпирического сознания и исследованы независимо от него. Так, препарированное сознание выступало как условие рационального постижения вещей и формулировки объективных, доказательных, универсальных суждений о мире, достижение которых обеспечивалось процедурой рефлексии. Попытка связать в единое целое всеобщие структуры сознания и опытное применение категориально-рассудочных форм представляют собой не утратившее свою актуальность и в настоящее время одно из главных достижений кантовской мысли. Значение такого разворота философской мысли, прежде всего, в том, что были подвергнуты критике сформулированные прежней «догматической» метафизикой объяснительные схемы процесса познания, был наложен запрет на онтологизацию и натурализацию трансцендентальных понятий. Этот запрет означал ограничение претензий спекулятивного разума на познание тех реалий, которые лежат за пределами нашего опыта.

В известной мере радикализацией кантовского трансцендентализма стала феноменология Э. Гуссерля, который предпринял попытку более последовательного, чем Декарт и Кант, применения принципа субъективности как единственной почвы философского анализа.

* Автор-корреспондент. E-mail: chernyaknatalya@rambler.ru

Несмотря на то, что кантовский запрет на субстанциализацию мыслительных сущностей отчасти был снят в немецкой посткантовской классической философии, в дальнейшем в западноевропейской философии сознание рассматривалось в предложенной Кантом парадигме — не как субстанция, не как суть мира, а как основа и условие рационального постижения вещей.

При этом следует заметить, что кантовский трансцендентализм не означал полного разрыва познавательного опыта с миром самим по себе, более того, предполагал независимое существование внешнего мира. Этот тезис акцентируется Кантом в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», где он называет скандалом общечеловеческого разума его несостоятельность представить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство существования мира самого по себе вне человеческого разума.

Тем не менее посткантовская философия, сложившаяся под парадигмой критического мышления, — это философия преимущественно идеалистического толка, в которой установка традиционной философии на постижение вещей, как они существуют сами по себе, объявляется несостоятельной в своей основе. Так, например, М. Хайдеггер считает, что скандал в философии заключается не в том, что доказательства существования мира самого по себе еще нет, но в том, что такие доказательства снова ожидаются и предпринимаются. С его точки зрения, ложность проблемы состоит в том, что вначале предполагается безмирный, изолированный субъект, а затем проводится его сопряжение с «миром».

Цель, задачи исследования. В этой связи, а именно, в условиях прерогативного утверждения идеалистической точки зрения на мир, кажется особенно интересным попытка представителей позднейших философских направлений возобновить обсуждение вопроса о мире, как он существует сам по себе, или «в себе», независимо от человека и человеческого сознания.

Речь идет о так называемом «спекулятивном реализме», или «метафизическом материализме»: позиции, которая противостоит господствующим формам посткантовской философии, называемым им корреляционизмом.

Под корреляционизмом (от лат. *correlatio* — «соотношение, взаимосвязь») спекулятивные реалисты подразумевают субъектно-объектную связь, связь между сознанием и бытием. Представитель этого направления Квентин Мейясу в докладе «Время без становления», прочитанном в Университете Мидлсекса в рамках семинара Центра исследования современной европейской философии, организованного Питером Холлуардом и Рэем Брасье, 8 мая 2008 года, пишет: «Корреляционизмом» я называю современного противника любого реализма». Согласно корреляционизму, «нет объектов, событий, законов, сущностей, которые не были бы всегда уже скоррелированы с точкой зрения, субъективным доступом. Всякий, утверждающий противоположное, то есть, что возможно достичь чего-то вроде реальности в себе, существующей абсолютно независимо от его точки зрения, его категорий, или его эпохи, или культуры, или языка и т.д., — этот человек был бы образцом наивности, или, если угодно, реалистом, метафизиком, старомодным догматическим философом» [1].

Корреляционизм, как утверждает Мейясу, взял на вооружение известные положения критической философии И. Канта и под определенным углом их препарировал. А именно, если Кант признавал существование так называемых «вещей-в-себе» в качестве источника или причины аффицирования нашей чувственности, то послекантовская философия «разрушила эти заявления отрицанием даже самой возможности в-себе за пределами самости». «Впрочем — добавляет Мейясу — современные корреляционистские теории вовсе не являются спекулятивным идеализмом: они не утверждают догматически, что нет вещей в себе, но только, что мы ничего не можем утверждать о в-себе, даже существует ли оно — и именно поэтому, считаю я, термин «в-себе» исчез из этих дискурсов» [1].

Действительно, нужно признать, что связь корреляционизма или того, что таковым именуют, с кантовской философии несомненна. Кант объявляет свою философию «трансцендентальным идеализмом», исходный тезис которого состоит в том, что мир, данный человеку в опыте, не есть мир, как он существует «сам по себе», а есть мир явлений или феноменов, то есть представлений, сконструированных априорными формами чувственности и рассудка. «Все предметы возможного для нас опыта суть не что иное, как явления, то есть только представления, которые в том виде, как они представляются нами, а именно как протяженные сущности или ряды изменений, не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли» [2; 450].

С точки зрения Мейясу, существуют две основные версии корреляционизма: трансцендентальная, заявляющая, что есть некоторые универсальные формы субъективного познания вещей, и постмодернистская, отрицающая существование любой субъективной универсальности. Но в обоих

случаях речь идет об отрицании абсолютного знания, то есть знания вещей в себе, не зависящего от нашего субъективного доступа к ним [1].

Итак, согласно Мейясу, корреляционизм — это установка, в соответствии с которой «мысль вынуждена иметь дело лишь с миром, как он дан в отношении с нею и с непостижимым фактом бытия такой корреляции» [1]. В этой связи он высказывает сожаление о том, что «современные мыслители безвозвратно лишились Великого Внешнего, абсолютного Внешнего докритических мыслителей. Внешнего, не опосредствованного отношением к нам, данного как безразличное к собственной данности, существующего в себе, безразлично, мыслим мы его или нет» [3; 15].

Задача, которую ставит перед собой Мейясу, заключается в том, чтобы «отвергнуть всякую форму корреляционизма, то есть... показать, что мышление при определенных условиях может прорваться к реальности, как она есть сама по себе, независимо от любых актов субъективности. Иными словами, я настаиваю на том, что абсолют — то есть абсолютно автономная от субъекта реальность — может быть помыслен субъектом» [1].

По мнению Мейясу, уязвимым местом корреляционизма, обнаруживающим его если не несостоятельность, то, по крайней мере, слабость, является проблема, которую он называет «проблемой диахроничности», или «архископаемого». Под диахроничностью автор понимает временной разрыв между мышлением и бытием, то есть признание того факта, что бытие предшествует мышлению, оно «существует» раньше, чем мышление. Корреляционизм, считает Мейясу, не может придать смысл способности естественных наук производить суждения о доисторическом на основе изучения архископаемых (радиоактивных изотопов, света звезд и др.) [1].

Вопрос, который здесь возникает, заключается в том, можно ли, а если можно, то как, осмыслить идею времени, которое предшествует субъекту, или сознанию, или *Dasein*? Ведь, если время — это коррелят субъекта (априорные формы), согласно кантовской установке, то ничто не может предшествовать субъекту (индивидуальному или, более радикально, взятому как человеческий вид) во времени. Помыслить доисторическое, поэтому, равносильно тому, чтобы помыслить мир без мышления — мир без данности мира. Отсюда Мейясу формулирует требование: «Чтобы помыслить доисторическое, нам требуется возобновить мышление об абсолютном» [2; 35].

Естественно, когда речь заходит об абсолютном, то, в первую очередь, возникают ассоциации с традиционным классическим спекулятивным толкованием Абсолюта метафизической философии: в религиозно-философских учениях — это Бог, в материалистических и близких к ним — субстанция, в иных концепциях — внеэмпирические интеллигибельные начала всякого бытия и мышления. Иными словами, то, что любая метафизика мыслила в соответствии с определением Аристотеля, как первые начала и конечные причины всякого сущего. В дальнейшем мы увидим, что Мейясу дает собственное определение абсолютного, не вполне совпадающего с классически метафизическим.

Согласно Мейясу, корреляционизм может сказать о доисторическом лишь то, что это — субъективная репрезентация такого прошлого и оно не могло реально существовать в себе, само по себе, со всеми его объектами и событиями. Для корреляциониста, продолжает Мейясу, доисторическое не может быть реальностью, предшествующей субъекту, — оно может быть лишь реальностью, которая заявляется и мыслится самим субъектом как предшествующая ему. И такого рода утверждения, согласно Мейясу, — это катастрофа, потому что они лишают смысла научные суждения: доисторическое и научное суждение не говорит, что нечто существовало до субъективности для субъективности, но что оно существовало до всякой субъективности — и ничего более: доисторическое суждение имеет реалистический смысл или вовсе не имеет никакого [1].

Принцип фактуальности, которым предлагает руководствоваться Мейясу для решении поставленной задачи, заключается в том, чтобы открыть абсолют, но такой абсолют, «который не будет никаким абсолютным сущим» (Дух, Воля, Жизнь), как это было принято в новоевропейской метафизике или теологии. Здесь автор вводит спекулятивный тезис: абсолют — это абсолютная невозможность необходимого сущего. Можно сказать, что возможно доказать абсолютную необходимость необходимости любой вещи [3; 88].

Что можно в таком случае сказать об Абсолютном и как к нему выйти? Выйти к нему можно только при условии признания специфического способа данности Абсолюта в качестве неданного как определенного сущего. Тогда напрашивается вопрос о так называемой фактичности, или фактуальности Абсолюта: в чем она находит свое подтверждение или выражение?

Со слов Мейясу, эта проблема для своего решения требует категорического установления абсолютности математического дискурса [3; 165]. Математизация мира позволяет мыслить мир так, как он

существует сам по себе, независимо от того, дан он нам или нет. «Галилео-коперникианская революция... не имеет никакого иного смысла, кроме парадоксального разоблачения способности мышления мыслить то, что не зависит от существования мышления» [3; 173]. Или иначе, математизация мира сделала возможным познание мира безразлично к человеческому существованию и знанию, которое человек может о нем иметь. Поэтому математизация, по Мейясу, позволяет научному дискурсу придавать смысл возможности диа-хронического, или архи-исторического.

При этом следует иметь в виду, что Мейясу не ставит своей целью доказать, что так понимаемое математизируемое Абсолютное обладает необходимым существованием вне мышления. Согласно ему, оно носит контингентный характер, то есть обладает возможным фактическим существованием вне мышления. Итак, под математизируемым сущим понимается то, что несводимо к корреляту мышления.

Последняя глава книги Мейясу «После конечности: Эссе о необходимости контингентности» с симптоматичным названием «Реванш Птолемея» посвящена проблематике «ложного» коперникианского поворота Канта. Здесь Мейясу отмечает поразительный парадокс. Как известно, философы называют революцию, которую Кант совершил в мышлении, коперникианской. Во втором предисловии к «Критике чистого разума» Кант сравнивает специфическую критическую установку, пришедшую на смену догматической, с коперникианским открытием, в котором меняется принцип взаимоотношения наблюдателя и предмета наблюдения: теперь не познание согласовывается с объектом, но объект с познанием.

Смысл же «коперникианской революции», по мысли Мейясу, заключается не столько в астрономическом открытии не-центрального положения земного наблюдателя внутри Солнечной системы, сколько в более фундаментальном процессе децентрализации мышления по отношению к миру внутри процесса познания. Благодаря галилеевско-декартовской математизации, мышление было осмыслено как контингентное внутри мира, стало возможно мышление о мире, который может обойтись без мышления, мире, сущностно независимом от факта его осмысления или неосмысления [3; 174]. Поэтому, с точки зрения Мейясу, революция, произведенная Кантом в мышлении, скорее сравнима с «птолемеевской контрреволюцией», поскольку «он утверждал не то, что наблюдатель, который считался неподвижным, на самом деле вращается вокруг наблюдаемого им Солнца, а, наоборот, что субъект стоит в центре процесса познания» [3; 176].

В чем же видится Мейясу птолемеевский реванш «Критики чистого разума» Канта? «Критика...» открыла условия мыслимости в современной науке, тем самым поставила науку в зависимость от трансцендентального субъекта. Или иначе, трансцендентальная философия потребовала в качестве условия мыслимости физической науки принцип корреляционного познания мира. Давая оценку произошедшей в западноевропейской философии метаморфозе мышления, Мейясу заключает: «В то время как наука впервые открыла способность мышления иметь доступ к познанию мира безразлично к отношению к миру, философия ответила на это открытием наивности собственного древнего «догматизма», сделав «реализм» докритической метафизики устаревшей парадигмой концептуальной наивности» [3; 177]. Отказ философии от спекулятивной метафизики, по словам Мейясу, обернулся для нее птолемеевской интерпретацией науки.

Мейясу ставит вопросы: «Почему философия, чтобы помыслить науку, вылилась в трансцендентальный идеализм, вместо того, чтобы решительно ориентироваться, как надо было бы, на спекулятивный материализм?», «Как получилось, что самый неотложный вопрос, который наука поставила философии, стал для философии по преимуществу праздным вопросом: как мышление может помыслить то, что действительно может быть, когда мышления нет?» Причину он видит, прежде всего, в юмовском полном разрушении абсолютной истинности принципа достаточного основания, далее, в утверждении «недействительности какой бы то ни было формы метафизики рациональности, ... знание должно отказываться любой форме доказательства, целью которой является установить *a priori*, что данное таким образом должно безусловно быть таковым». Ну, и позднее, «открытие Канта устанавливает окончательно крах метафизики, делая из корреляционного познания единственную форму философски легитимного познания. Корреляционизм становится единственной дозволенной формой философии: знание, обусловленное нашим отношением-к-миру, и только оно, способно мыслить науку в той мере, в какой она сместила спекулятивную метафизику, тем не менее, не отрицая некоторую форму универсальности» [3; 189].

Как следует расценивать такого рода умозаключения? Мы видим, что главным контраргументом спекулятивного реализма в критике корреляционизма является утверждение о том, что наука обрела

своеобразную спекулятивную силу, благодаря децентрализации мышления в результате галилеокопернической революции. Эта спекулятивная сила, по мысли Мейясу, обеспечивала допуск науки в мир, как он есть сам по себе, в то время как посткантовская философия замкнулась на корреляционном птоlemeизме.

Для того чтобы дать оценку изложенной выше концепции, обратимся к еще одному известному исследователю истории западноевропейской науки Нового времени — Э. Гуссерлю. Гуссерль отмечает особую роль математики с ее способностью к идеализации в формировании стандартов и критериев научного и философского мышления. Посредством идеализации стало возможным «создавать чистые идеальные сущности, конструировать новые формы с помощью уже данных ранее элементарных фигур, превратить операции, с помощью которых они создаются в однозначные, intersubъективные и продуктивные методы, а также конструктивно создавать все общие мыслимые идеальные формы с помощью априорного, всеохватывающего системного метода» [4; 572]. Далее он замечает, что благодаря этому, математика «создала идеальную объективность с помощью идеализации физического мира и ее пространственно-временной оформленности... она создала объективный мир в подлинном смысле слова, а именно *бесконечную тотальность идеальных предметностей*, определяемых методически всегда однозначно» [4; 578–579].

Гуссерль отмечает особую роль Галилея в математизации научных представлений о природе. Именно он осуществил замещение единственно реального, опытно воспринимаемого и данного в опыте мира — мира нашей повседневной жизни — миром идеальных сущностей, который обосновывается математически. Галилей утвердил мысль, «согласно которой все специфически чувственные качества должны рассматриваться как реальное обнаружение *математических индикаторов*, процессов, присущих идеальным формам, всегда принимаемых как нечто само собой разумеющееся... Бесконечная природа — этот *конкретный универсум каузальности*, стала своеобразной *прикладной математикой*» [4; 585]. Следствием все более утверждающихся в науке математических методов исследования, явилось, по мнению, Гуссерля, «систематическое, априорное мышление, полностью свободное от всякой связи с чувственно воспринимаемой действительностью, размышление о числах вообще, числовых отношениях, числовых законах» [4; 594–595].

Мы видим, что Гуссерль делает несколько иной вывод из анализа факта математизации научного знания новоевропейской революции, чем Мейясу. Тезис Гуссерля, что «математика создала объективный мир в подлинном смысле слова...» не означает выход науки к миру самому по себе, он означает создание сциентизированного объективного мира. То, что Гуссерль понимает под объективным миром, — это тот мир, с которым имеет дело наука, а, точнее, мир, сконструированный математикой и математическим естествознанием, или иначе, мир, каким он предстает в системе аксиоматического, достоверного и аподиктически выверенного знания. Но здесь встает вопрос: «Является ли эта *бесконечная тотальность идеальных предметностей* «миром, как он существует сам по себе?». Ведь объект (предмет) мысли и «вещь сама по себе» — это не одно и то же. Сам Гуссерль указывает на недостатки так понимаемой научной рациональности — овнешнение, физикализм и натурализм.

Итак, кантовский трансцендентализм показал, как возможна математика и естествознание. Синтез априорных категориально-рассудочных форм и опытного чувственного материала наполняют научные понятия конкретным содержанием, а также придают им универсальный общезначимый смысл. Гуссерль идет дальше и ставит проблему природы идеальных образований, объективного статуса идеальных «предметностей», своего рода идеальных гештальтов и обнаруживает их происхождение из исторического априори (см. «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», «Начала геометрии»). Нас в данном случае интересует, насколько правомерна аттестация Мейясу кантовского учения о познании как «птолемеевской контрреволюции».

Мейясу называет кантовское учение о познании катастрофой, которая состоит в отказе от любой формы абсолюта, что не было аутентичным требованием современной науки. Задача философии и науки того времени, по мнению Мейясу, заключалась в том, чтобы, опираясь на принцип копернической децентрализации мышления, придерживаться картезианского тезиса — «что математизируемо, то абсолютизируемо» — и при этом не ассоциировать себя с изжившей парадигмой метафизического типа. И, отсюда, формулировка главной задачи, получившей название принципа фактуальности: «вывести в качестве Фигуры, что любое математическое высказывание способно формулировать абсолютизируемое возможное, хотя бы в качестве гипотетического. Абсолютизировать «саму» математику ... ухватить в сущностном критерии любого математического высказывания необходимое условие контингентности любого сущего» [3; 190–191].

Результаты исследования

Возникает вопрос: «Какие следствия вытекают из такого формата постановки проблемы научных высказываний об абсолютном?». Следует сказать, что Мейясу формулирует проблему в трансцендентальном ключе, то есть речь идет о выяснении универсальных условий возможности (или невозможности) выработки общезначимого, объективного, аподиктического знания о мире самом по себе, без мышления. И при этом главным аргументом способности науки формулировать суждения о реальности (абсолютном) служит «практика» математизации сущего.

Но нужно иметь в виду, что решение вопроса о реальности объектов внешнего мира наука ставит в зависимость от возможности удостовериться в их существовании путем особым образом организованных процедур наблюдения и проверки. И в этом смысле мы вынуждены считаться с тем, что наука делает выводы об «историческом» на основе некоторых полученных в настоящем данных относительно специфических фактов (свет звезд, изотопы). Иного способа пробиться к «сущности» вещей, в том числе и «архи-исторического», наука не знает. Поэтому наука отдает отчет в определенной ограниченности результатов собственных исследований в притязании на истину. И одним из ограничителей, регулирующих опытные высказывания, является известный принцип экспериментальной науки: «объект наблюдения существует лишь в системе условий наблюдения».

Выводы

Подводя итоги, следует сказать, что спекулятивный реализм, или «метафизический материализм», появился как реакция на долговременное засилье идеализма в континентальной философии. Давая оценку рассмотренной концепции, нужно отметить, что сама постановка проблемы исследования абсолютного, то есть «вещей-самих-по себе», заслуживает внимания. Попытка дать строго научное решение вопроса, выходящего за границы научного познания, как его понимал Кант, при отчетливом позиционировании противоположности своего подхода к критической точке зрения — это смелая попытка возобновить продумывание старой метафизической проблемы — каков мир сам по себе? Обращение к истории научной и философской мысли придает этому предприятию вес и значимость.

Однако, тем не менее, следует заметить, что представленная позиция спекулятивного реализма как критики корреляционизма, претендующая на осмысление метафизических проблем, как нам кажется, пытается решить метафизические проблемы средствами науки. Анти-кантовский поворот в философии высветил и обозначил действительные трудности критической философии. И обращение современной философии к старой спекулятивной метафизической проблематике — каковы вещи сами по себе? — вполне оправдано. И все-таки нужно признать, что при всей уязвимости кантовской философии, она с должной мерой убедительности показала, что возможно и достижимо в границах научного познания, а что выходит за его границы и составляет предмет не науки, а скорее, метафизики.

Список литературы

- 1 Мейясу К. Время без становления / К. Мейясу. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://m-introduction.livejournal.com/274141.html>
- 2 Критика чистого разума: Соч. [В 6-и т.]. — Т. 3 / И. Кант; под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1964. — 799 с.
- 3 Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. — Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2016. — 196 с.
- 4 Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 752 с.

Н.А. Черняк

Канттық корреляционизм және абсолютті тану мәселесі

Мақалада корреляционизм және оның түрлері деп аталатын идеалистік постканттық философияның үстемдігіне реакция ретінде пайда болған Батыс философиясындағы жаңа философиялық бағыт —

«спекулятивтік реализм» идеялары қарастырылған. Ең маңызды философиялық мәселе бойынша — заттардың өз ішінде немесе «өзінде» болуы туралы корреляционизмдік сынның дәлелдері мен қарсы дәлелдері талданған. Спекулятивтік реализмге сәйкес корреляцияның осал тұсы оның әлсіздігін ашатын «диахрондық» немесе «архиископия» мәселесі. Диахрондылық ойлау мен болмыс арасындағы уақыт аралығы ретінде түсіндіріледі, т.б. болмыстың ойлаудан бұрын болатынын, яғни оның ойлаудан бұрын «бар» екендігін мойындау. Бұл мәселені тұрақты корреляционизм арқылы шешу мүмкін емес. Галилей-Коперник революциясының ғылыми және философиялық стандарттардың қалыптасуына қандай әсер еткені көрсетілген. Математикалық дискурс, талданған көзқарас бойынша, ойлаудың өз бетінше немесе «өз ішінде» заттарға шығу мүмкіндігінің күшті дәлелі. Мақаланың өзіндік ерекшелігі (жаңалығы) корреляционизмді сынау ретінде спекулятивтік реализмнің шектеулі позициясын ашуда көрінеді: метафизикалық мәселелерді түсінуге ұмтылған спекулятивтік реализм метафизикалық мәселелерді ғылым арқылы шешуге тырысады. Ұсынылған бағыттың эвристикалық маңыздылығы мен шектеулілігі туралы қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: «өзіндік нәрсе», корреляционизм, абсолютті, «тарихқа дейінгі», философиядағы коперниктік бетбұрыс, «птолемейлік контрреволюция», спекулятивтік реализм, математикалық дискурс, постканттық философия, трансценденттік идеализм.

N.A. Chernyak

Kantian correlationism and the problem of cognition of the absolute

In the article the ideas of a new philosophical trend in Western philosophy — “speculative realism” were examined, which arose as a reaction to the dominance of idealistic post-Kantian philosophy, called correlationism and its varieties. The arguments and counterarguments of the ongoing criticism of correlationism on the most important philosophical issue — the existence of things by themselves or “in themselves” were analyzed. According to speculative realism, the vulnerable point of correlationism, revealing its weakness, is the problem of “diachronism” or “the archiepiscopal”. Diachronism refers to the time gap between thinking and being, i.e. the recognition of the fact that being precedes thinking, it “exists” earlier than thinking. Consistent correlationism cannot solve this problem. It is shown what influence the Galilean-Copernican revolution had on the formation of scientific and philosophical standards. Mathematical discourse, according to the analyzed point of view, is a convincing proof of the possibility of thinking about things by themselves or “in themselves”. The originality (novelty) of the article is expressed in the discovery of the limitations of the position of speculative realism as a critique of correlationism: speculative realism, claiming to comprehend metaphysical problems, tries to solve metaphysical problems by means of science. The conclusion is made about the heuristic significance and limitations of the proposed direction.

Keywords: “thing-in-itself”, correlationism, absolute, “pre-historical”, Copernican turn in philosophy, “Ptolemaic counterrevolution”, speculative realism, mathematical discourse, post-Kantian philosophy, transcendental idealism.

References

- 1 Meillassoux, K. Vremia bez stanovleniia [Time without Becoming]. Retrieved from <https://m-introduction.livejournal.com/274141.html> [in Russian].
- 2 Kant, I. (1964). *Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]*. V.F. Asmusa. A.V. Gulygi, T.I. Oizermana (Ed.). (Vols. 1-6). Moscow: Mysl [in Russian].
- 3 Meillassoux, K. (2016). *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After Finitude: Essay on the Necessity of Contingency]*. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi [in Russian].
- 4 Husserl, E. (2000). Logicheskie issledovaniia. Kartezianskie razmyshleniia. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendentalnaia fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofii. Filosofii kak strogaia nauka [Logical Investigations. Cartesian Reflections. Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST [in Russian].

Сведения об авторе

Черняк Наталья — доктор философских наук, профессор кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-6659-4740>

Information about the author

Chernyak Natalia — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia;
<https://orcid.org/0000-0002-6659-4740>

Букеетов Университет